

© В.В. ЛЕМИШ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
verlem2004@yandex.ru

УДК 159.9.072

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ
О ПОЖИЛЫХ И СТАРЫХ ЛЮДЯХ**

**IMAGE OF ELDERLY AND OLD PEOPLE
IN THE MINDS OF SOCIAL WORKERS**

АННОТАЦИЯ. В статье представления социальных работников о старшем поколении рассматриваются как важная составляющая геронтокультуры, поскольку содержание этих представлений оказывает существенное влияние на межпоколенные и межличностные отношения, включая профессиональную деятельность. В исследовании приняли участие 195 социальных работников, работающих в отделениях обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов. Для описания образов пожилого и старого человека использованы 25 психосемантических шкал, характеризующих пять психологических сфер: когнитивную, эмоциональную, регулятивную, коммуникативную и духовно-нравственную. Шкалы составлены автором на основе применения метода репертуарных решеток Келли. Результаты эмпирического исследования показали, что, с одной стороны, профессиональный опыт общения позволяет социальным работникам очень хорошо дифференцировать особенности пожилого и старого человека, однако, с другой — выявлены явные эйджистские тенденции в восприятии обеих возрастных групп. Несмотря на то, что образ пожилого человека более позитивен, чем образ старого, однако оба эти образа в целом мало привлекательны. Негативные установки не могут не сказываться на эффективности социальной работы с пожилыми и старыми людьми, а значит, и на их психологическом самочувствии. Для преодоления эйджизма необходима более углубленная психологическая подготовка социальных работников, направленная на формирование представлений о старении как периоде продолжающегося развития личности; кроме того, необходима целенаправленная государственная социальная политика по созданию условий для реализации психологических ресурсов пожилых и старых людей.

SUMMARY. The paper considers assumptions about elder generation as an important part of gerontology culture, because the content of those assumptions has a big impact on intergenerational and interpersonal relationships including professional activity. This research managed to involve 195 social workers who are servicing seniors and people with disabilities in different social organizations. In order to portray the images of elderly and old persons, we used 25 psycho-semantic scales characterizing five psychological dimensions: cognitive, emotional, regulatory, communicative and moral-spiritual. The scales were developed by the author of the paper based on the method of Kelly Repertory Grid. The results of the empirical research showed that

a professional experience enables the social workers to differentiate between peculiarities of elderly and old people well enough. On the other hand, both age groups are perceived with ageism tendencies. Despite the fact that the image of an elderly person possesses more positive features than that of senile, both images in overall are not fully attractive. Negative attitudes, therefore, have a problematic impact on effectiveness of social services for elderly population and psychological well-being of these people. In order to overcome the attitude of ageism, social workers need more profound psychological training directed to developing cognitions and perceptions regarding ageing as a period of continuing personality development. Besides, it is desirable to build a directed state social program regarding conditions for realising psychological potential of senior population.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Геронтокультура, образ старого человека, образ пожилого человека, социальная работа, эйджизм.

KEY WORDS. Gerontological culture, image of the elderly, image of the old people, social work, ageism.

Значительное увеличение доли пожилых людей в возрастной структуре общества сделало актуальным вопрос о необходимости формирования в нашем обществе культуры старения, или геронтокультуры, важным компонентом которой являются представления о старшем поколении [1], [2]. Эти представления оказывают влияние на межпоколенные и межличностные отношения [3], [4], в том числе и на взаимодействие в профессиональной сфере [5]. Чаще других по долгу службы с пожилыми и старыми людьми имеют дело социальные работники. Именно они каждый день общаются с данной возрастной категорией людей.

Цель социальной работы с пожилыми людьми состоит в создании условий для их эффективной социально-психологической адаптации, в превращении пожилого человека из объекта (клиента) социальной работы в ее субъекта. Это возможно лишь при опоре на ресурсы самих пожилых людей (их мудрость, способность и желание учиться, делиться опытом и др.). Поэтому эффективность деятельности социальных работников напрямую зависит от тех установок, с которыми они вступают во взаимодействие со своими подопечными. Вместе с тем, когда человек имеет дело с физической немощью, различными психологическими проблемами, есть серьезная опасность формирования негативных стереотипов старости. Ситуация усугубляется еще и тем, что большинство социальных работников, как правило, и в обыденной жизни имеет ограниченный опыт общения с «нормальными» людьми старшего поколения. Даже контакты со своими прародителями часто неглубоки и поверхностны, что увеличивает риск «видеть всех пожилых в одинаковом свете — как инвалидов, беспомощных, имеющих много проблем» [5; 212].

Последнее время психологи стали уделять особое внимание проблеме образа старости. Выявлен целый ряд закономерностей. В частности, достаточно устоявшимся в научной литературе мнением является признание того, что в общественном сознании в образе старости доминируют негативные характеристики, что нередко проявляется в эйджизме*. Показано отличие возрастных

* *Эйджизм — широко распространенная социальная установка, заключающаяся в неоправданно высокой оценке молодости и дискриминации старых людей.*

гетеро- и автостереотипов людей старшего поколения: автостереотипы более позитивны, при этом не только положительные характеристики в нем более весомы, но и менее весомы негативные [6]. Проводятся исследования, направленные на выявление особенностей представлений о старшем поколении в зависимости от образования, пола, места жительства (город/село) [7], возраста [8], культуры [9], исторической эпохи [10].

Вместе с тем, как правило, в эмпирических исследованиях образы пожилого и старого человека не различаются. Во многом это обусловлено тем, что период поздней зрелости и в научной литературе дифференцирован недостаточно [11], [12].

Целью нашего исследования было выявление содержания представлений о пожилых и старых людях у социальных работников, обслуживающих пожилых и инвалидов на дому. Наиболее адекватными методами исследования при постановке подобных задач являются психосемантические методы [13], [14], при этом применяются либо стандартизированные шкалы (как правило, семантический дифференциал Ч. Осгуда), либо их разрабатывают сами исследователи. Первый тип шкал обладает универсальностью, однако, именно в силу этой универсальности, они не «ухватывают» специфики описываемого объекта.

Исследование было организовано в *два этапа*. Цель первого этапа — создание оценочных шкал. В основу был положен метод репертуарных решеток Келли. Для выявления конструкторов использовался метод минимального контекста. Список элементов включал 16 позиций, (при выборе элементов в значительной мере мы опирались на список ролевых персон Келли [15].) Испытуемым предъявлялось 20 триад. Выборку составили 43 человека разного возраста.

Полученные данные легли в основу создания оценочных шкал. Сначала мы выделили те характеристики (сферы, психологические области, человеческие проявления), которые чаще всего использовались при сравнении предлагаемых триад. В самом обобщенном виде мы их обозначили следующим образом: когнитивные, эмоциональные, регулятивные, коммуникативные и духовно-нравственные проявления. В каждой области было выделено по пять специфических шкал. Таким образом, в целом мы получили 25 шкал. Последовательность, уровень оценок и полярность шкал в созданной методике мы осуществили по аналогии с семантическим дифференциалом Ч. Осгуда.

Отобранные шкалы оценок прошли профессиональную экспертизу. В качестве экспертов выступили два доктора и два кандидата психологических наук, которые в своей научной деятельности активно используют различные психосемантические методы.

После соответствующей корректировки созданной методике мы приступили ко второму этапу исследования, целью которого и было выявление содержания представлений о пожилых и старых людях.

Выборку составили 195 женщин в возрасте от 24 до 64 лет, работающих в комплексных центрах социального обслуживания населения в отделениях обслуживания пожилых и инвалидов на дому в должности социальных работников.

Значимость различий оценок возрастных особенностей выявлялась с помощью t-критерия Стьюдента. Статистическая обработка проводилась с использованием программы *SPSS Statistics 20*. Полученные результаты будут представлены и проанализированы по каждому из пяти блоков последовательно.

А) Когнитивные проявления

Пожилой: достаточно умный (1,74) и сравнительно мудрый (1,24), но тяга к духовному невысока (0,28), новое не воспринимает (- 0,02) и отсутствует желание чему-либо учиться (- 0,36).

Старый: не очень умный (0,62) и мудрый (0,11), ему присуща ограниченность интересов (- 0,18), достаточно выражены отсутствие желания чему-либо учиться (-1,08) и неспособность воспринимать новое (-1,24).

Таким образом, все средние оценки когнитивных особенностей старого человека ниже, чем пожилого. Статистический анализ различий оценок показал, что представления социальных работников о когнитивных особенностях старого и пожилого человека очень хорошо дифференцированы: все значения *t*-критерия Стьюдента статистически значимы. В частности, пожилой человек в значительно меньшей степени склонен отрицать все новое ($t = 7,876$ при $p < 0,001$), он значительно более умен ($t = 7,776$ при $p < 0,001$) и мудр ($t = 6,061$ при $p < 0,001$), у него в меньшей степени выражено отсутствие желания чему-либо учиться ($t = 4,376$ при $p < 0,001$). Если у пожилого человека еще присутствует тяга к духовному, то у старого интересы ограничены ($t = 2,455$ при $p < 0,05$).

Это свидетельствует о том, что социальные работники, обслуживающие людей старшего возраста и поэтому имеющие с ними фактически ежедневные контакты, очень хорошо отличают когнитивные особенности пожилых и старых людей. Вместе с тем следует отметить, что оба эти образа достаточно непривлекательны. Особенно негативным является образ старого человека.

Таким образом, социальные работники, выполняя свои профессиональные обязанности, руководствуются преимущественно негативными стереотипами в отношении стареющих людей, и соответственно недооценивают, иногда почти не видят их психологические ресурсы, поскольку стереотипизация приводит к упрощению и однобокости восприятия.

Б) Эмоциональные проявления

Пожилой: относительно уравновешенный (1,33) и эмоциональный (1,1), чувство юмора (0,78) и сдержанность (0,53) присутствуют, но не в большой степени, скорее склонен к депрессии (- 0,06).

Старый: относительно эмоционален (0,87), уравновешенность (0,28) и чувство юмора (0,18) слабо выражены, несдержан (-0,41), склонен к депрессии (-1,21).

Эмоциональные проявления старых и пожилых людей социальные работники также достаточно хорошо различают. Единственная шкала, по которой не выявлено статистических различий: «Эмоциональный / Неэмоциональный» ($t = 0,402$ при $p > 0,05$). Но, как и в случае с оценками когнитивных проявлений, оценки эмоциональных особенностей и пожилого и старого человека достаточно низки, при этом оценки старого значительно ниже. В частности, с точки зрения социальных работников старый человек значительно в меньшей степени уравновешен ($t = 7,622$ при $p < 0,001$), ему в меньшей степени присуще чувство юмора ($t = 3,638$ при $p < 0,001$), он в большей степени склонен к депрессии ($t = 7,063$ при $p < 0,001$). Если пожилой человек еще способен быть сдержанным, то старому это не удастся ($t = 5,352$ при $p < 0,001$).

В) Регулятивные проявления

Пожилый: достаточно настойчивый (1,41), но решительность (0,48) и целеустремленность (0,46) неярко выражены, скорее пассивный (- 0,04) и достаточно быстро устающий (-1,09).

Старый: достаточно пассивный (-1,91) и быстро устающий (-1,89), нецелеустремленный (-0,62), нерешительный (-0,47). Единственная характеристика — «настойчивый» (0,48) оценена выше по сравнению с другими волевыми качествами, но и она выражена слабо.

Таким образом, по всем шкалам регулятивные проявления старого человека оценены ниже, чем у пожилого (статистически достоверно). В частности, если пожилым людям еще приписывается способность ставить перед собой новые цели и их достигать, то старых характеризуют через отсутствие целеустремленности ($t = 7,054$ при $p < 0,001$), если пожилые иногда проявляют решительность, то старые скорее нерешительны ($t = 6,099$ при $p < 0,001$), старые значительно менее настойчивы ($t = 5,539$ при $p < 0,001$), более пассивны ($t = 5,456$ при $p < 0,001$) и быстрее устают ($t = 5,247$ при $p < 0,001$).

Таким образом, с одной стороны, социальные работники хорошо различают регулятивные проявления пожилого и старого человека, с другой — волевые качества старого человека имеют выраженную негативную нагрузку.

Г) Коммуникативные проявления

Пожилый: достаточно интересный собеседник (1,57), общителен (1,18), однако оценки других качеств не слишком высоки: миролюбивый (0,69), приходит на помощь другим (0,66), считается с чужим мнением (0,38).

Старый: относительно общителен (0,85), не очень интересен как собеседник (0,35), скорее конфликтен (- 0,06), склонен заботиться только о себе (-0,37) и навязывать свое мнение (- 0,38).

Таким образом, коммуникативные проявления старого человека также оценены ниже, чем у пожилого, и различия эти статистически достоверны. В частности, социальные работники воспринимают старого человека как значительно менее интересного собеседника ($t = 7,377$ при $p < 0,001$). Они оценивают пожилого человека как способного иногда приходить на помощь другим, старого — как склонного заботиться только о себе ($t = 6,440$ при $p < 0,001$), пожилого — как относительно миролюбивого, а старого — скорее как конфликтного ($t = 5,134$ при $p < 0,001$), пожилого — как способного считаться с чужим мнением, старого — как навязывающего свое мнение ($t = 4,565$ при $p < 0,001$). К тому же старик оценен как значительно менее общительный ($t = 2,269$ при $p < 0,05$). В качестве позитивного момента отметим, что социальные работники видят в пожилых людях интересных собеседников.

Д) Духовно-нравственные проявления

Пожилый: достаточно добрый (1,75), стремление к полноценной жизни присутствует, но выражено неярко (0,94), оценки по трем другим шкалам достаточно низкие: добился в жизни того, чего хотел (0,34), активная жизненная позиция (0,28), берет ответственность на себя (0,05).

Старый: относительно добрый (1,3), мало добился в жизни того, чего хотел (0,14), у него потерян смысл жизни (- 0,55), склонен винить других в своих проблемах (-0,92) и плыть по течению (-1,06).

Таким образом, глазами социальных работников личностный портрет пожилого человека значительно отличается от личностного портрета старого человека. В частности, если пожилой человек в какой-то мере стремится к полноценной жизни, то у старого смысл жизни потерян ($t = 9,870$ при $p < 0,001$); если для пожилого еще свойственно проявлять активную жизненную позицию, то старый человек плывет по течению ($t = 6,717$ при $p < 0,001$); если пожилой, пусть в очень незначительной степени, способен брать ответственность на себя, то старый — винит других в своих проблемах ($t = 5,892$ при $p < 0,001$); проявления доброты у пожилого человека оценены значительно выше, чем у старого ($t = 4,547$ при $p < 0,001$). Единственное сходство между пожилым и старым человеком состоит в том, что они одинаково мало добились в жизни того, чего хотели ($t = 1,181$ при $p > 0,05$). Иначе говоря, представления о личностных особенностях пожилого человека значительно позитивнее.

Выводы.

1. Представления социальных работников о психологических особенностях пожилого и старого человека очень хорошо дифференцированы: из 25 характеристик оценки 23-х статистически значимо различаются. Образ пожилого человека более позитивен, чем образ старого.

2. Оба образа в целом малопривлекательны. При оценке качеств пожилого человека только три оценены выше среднего: добрый (1,75), умный (1,74), интересный собеседник (1,57), то есть социальные работники видят в пожилых людях некоторые ресурсы.

3. Наиболее ярко негативные стереотипы проявились при восприятии старого человека. Оценки различных его возрастных особенностей, как правило, либо лежат в негативной плоскости, либо, если и оценены положительно, то невысоко. Особо отметим, что по всем 25 шкалам оценки образа старого человека ниже, чем оценки пожилого. Следовательно, социальные работники, обслуживающие старшее поколение, к сожалению, подвержены эйджистским предубеждениям, которые с высокой вероятностью негативно сказываются на эффективности профессиональной деятельности, а значит, и на психологическом самочувствии их клиентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лемин В.В. Геронтокультура как социально-психологический феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена: Психолого-педагогические науки. 2012. № 148. С. 34-44.
2. Лемин В.В. Феномен геронтокультуры: проблемы исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Психолого-педагогические науки. 2006. № 6 (14). С. 18-37.
3. Бочаров В.В. Антропология возраста: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2001. 196 с.
4. Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // СоцИс. 2008. № 8. С. 49-55.
5. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старости: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 288 с.
6. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. Часть I. URL: <http://www.humanpsy.ru/miklyeva/age>
7. Зайцева Ю.Б. Особенности представления о старых людях в различных социально-демографических группах // Психология зрелости и старения. 2007. № 4 (40). С. 12-39.

8. Глухова И.Ю., Зыкова М.Н. Специфика образа старости в различных возрастных группах // Психология зрелости и старения. 2008. № 1 (41). С. 46-73.
9. Подрядчикова И.В. Социальные представления русских и казахов о старом человеке // Психология зрелости и старения. 2008. № 3 (43). С. 12-39.
10. Смолькин А.А. Исторические трансформации социального статуса старости // Клиническая геронтология. 2007. Т. 13. № 3. С. 29-33.
11. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2011. 940 с.
12. Психология человека от рождения до смерти. (Серия «Психологическая энциклопедия»). СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 656 с.
13. Еремеев Б.А. Уровни категоризации при понимании человека человеком и при психологическом изучении понимания // Мир психологии. 2001. № 3 (27). С. 93-103.
14. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
15. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методиками / Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Ю.М. Забродина и В.И. Похилько. М.: Прогресс, 1987. 236 с.

REFERENCES

1. Lemish, V.V. Gerontological culture as a social psychological phenomenon. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena: Psikhologo-pedagogicheskie nauki — Bulletin of Herzen State Pedagogical University of Russia: Psychological and Pedagogical Sciences*. 2012. № 148. Pp. 34-44. (in Russian).
2. Lemish, V.V. The phenomenon of gerontological culture: problems of research. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena: Psikhologo-pedagogicheskie nauki — Bulletin of Herzen State Pedagogical University of Russia: Psychological and Pedagogical Sciences*. 2006. № 6 (14). Pp. 18-37. (in Russian).
3. Bocharov, V.V. *Antropologiya vozrasta: Ucheb. posobie* [Anthropology of the Age: a study guide]. St-Petersburg, 2001. 196 p. (in Russian).
4. Smirnova, T.V. Elderly people: stereotype image and social distance. *Sotsis — Socium*. 2008. № 8. Pp. 49-55. (in Russian).
5. Krasnova, O.V. Lidere, A.G. *Sotsial'naya psikhologiya starosti: Ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ucheb. zavedenii* [Social Psychology of Ageing: a textbook for the students of universities]. Moscow, 2002. 288 p. (in Russian).
6. Mikliaeva, A.V. *Vozrastnaya diskriminatsiya kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen. Ch. 1* [Age Discrimination as a Social-Psychological Phenomenon. Part I]. URL: <http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/age>. (in Russian).
7. Zaitseva, Iu.B. Specifics of perception of the old by different social demographic groups. *Psikhologiya zrelosti i starenia — Psychology of Maturity and Ageing*. 2007. № 4 (40). Pp. 12-39. (in Russian).
8. Glukhova, I.Iu., Zykova, M.N. Specifics of the image of elderly in different age groups. *Psikhologiya zrelosti i starenia — Psychology of Maturity and Ageing*. 2008. № 1 (41). Pp. 46-73. (in Russian).
9. Podriadchikova, I.V. Social perception of the old by Russian and Kazakh people. *Psikhologiya zrelosti i starenia — Psychology of Maturity and Ageing*. 2008. № 3 (43). Pp. 12-39. (in Russian).
10. Smol'kin, A.A. Historical transformations of the social status of elderly. *Klinicheskaya gerontologiya — Clinical Gerontology*. 2007. Т. 13. № 3. Pp. 29-33. (in Russian).
11. Kraig, G., Bokum, D. *Psikhologiya razvitiia* [Human Development]. St-Petersburg, 2011. 940 p. (in Russian).
12. *Psikhologiya cheloveka ot rozhdeniia do smerti* [Psychology of Man from Birth to Death]. St-Petersburg, 2001. 656 p. (in Russian).

13. Ereemeev, B.A. Levels of categorization when two people try to understand each other and during a psychological study of understanding. *Mir psikhologii — The World of Psychology*. 2001. № 3 (27). Pp. 93-103. (in Russian).

14. Petrenko, V.F. *Osnovy psikhosemantiki* [Basics of Psychosemantics]. St-Petersburg, 2005. 480 p. (in Russian).

15. Fransella, F., Bannister, D. *Novyi metod issledovaniia lichnosti: Rukovodstvo po repertuarnym lichnostnym metodikami* [A New Method of Personality Research: A Manual for Repertory Grid Technique] / Eds. Iu.M. Zabrodina, V.I. Pokhil'ko. Moscow, 1987. 236 p. (in Russian).

Автор публикации

Лемии Вера Васильевна — доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук

Author of the publication

Vera V. Lemish — Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor, Department of Social Work, Pedagogics and Psychology, F. Dostoevsky Omsk State University